

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ¹

Р.М. НУРЕЕВ,

*доктор экономических наук, профессор,
Государственный университет — Высшая школа экономики
(г. Москва)*

Ю.В. ЛАТОВ,

*кандидат экономических наук, старший научный сотрудник,
Академия управления МВД России*

Массовое (на уровне элиты) восприятие Западной Европы как желаемого стандарта началось со времен Петра I. Само принятие Петром Великим императорского титула было символом поворота с Востока на Запад. Последующие два столетия, с начала XVIII до начала XX вв., прошли в России с постоянной оглядкой на Европу. Российская империя сознательно старалась стать Западом, не потеряв при этом своей самобытности. Это — *догоняющее развитие, понимаемое как копирующая модернизация*: отстающая страна целенаправленно копирует те институты более передовых стран, которые кажутся ей наиболее важными, чтобы сравняться с ушедшими вперед.

Российский опыт догоняющего развития уникален тем, что ни одна другая отстающая страна мира не имела в своем распоряжении так много времени. Латиноамериканские государства получили возможность «догнать» только век спустя, после завоевания независимости в 1820-х гг. Япония включилась в догоняющее развитие после революции Мэйдзи (1868 г.), Турция — еще позже. История поставила в России своего рода эксперимент: есть страна с культурными корнями, близкими к европейским, с большими (но не избыточными, провоцирующими рентоискательство!) ресурсами и с тянущейся к Европе элитой; пусть она за двести лет попробует «стать Европой». Таких благоприятных условий не имеет ни одна из современных стран догоняющего развития.

В целом результат российского догоняющего развития получился по меньшей мере двусмысленным. Хотя за период от реформ Петра I до реформ П.А. Столыпина социально-экономические институты России стали ближе к западным, однако события 1917 г. оборвали эту конвергенцию. Возникает вопрос: в какой степени «срыв» 1917 г. был следствием субъективных (во многом случайных) обстоятельств, а в какой — результатом объективных противоречий российской модернизации. 90-летие этих событий является хорошим поводом для размышлений о соотношении случайного и закономерного в нашей институциональной истории.

Рассмотрим, используя методы новой экономической истории (включая клиометрику), в какой степени можно считать оправданными суждения российских марксистов начала XX в. об отсталости России.

1. Новый экономический рост²

Последние четыре десятилетия царского режима в России, когда стали проявляться долгосрочные последствия Великой реформы 1861 г., ознаменовались ускорением роста как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Структурные изменения в

¹ Данный материал является рабочей версией одной из глав учебника «Экономическая история (институциональный подход)» под ред. Р.М. Нуреева, который готовится к изданию в ГУ ВШЭ в 2007 г. Ранее в нашем журнале уже публиковались рабочие версии двух других глав этого учебника [9, 8].

² Данный раздел написан с использованием материалов английского историка-экономиста К. Леонард.

экономике обусловили возможность перелива избыточного предложения труда, существовавшего в аграрном секторе, в сферу промышленного производства. С увеличением производительности труда рос и среднедушевой ВВП.

В период с 1861 г. до 1913 г. Россия была четвертой или пятой крупнейшей промышленной державой, став в один ряд с такими странами, как США, Великобритания, Франция, Германия [22, с. 154]. Средний годовой темп роста за период 1850–1914 гг. превышал аналогичные показатели для Западной Европы, США и Японии. Темп роста среднедушевого выпуска составил 1,65% в год. Для сравнения следует сказать, что в США в этот период он был ниже — 1,6%. Надо, однако, отметить, что период бурного роста в США начался на десять лет раньше, чем в России, а темпы роста отдельных лет доходили до 3,2% [22, с. 162].

Анализируя структурные аспекты изменения темпов роста в разных странах, особое внимание стоит уделить сравнению России и Франции. В начале периода нового роста, связанного с первичной индустриализацией (в середине 1880-х гг.), Россия в наибольшей степени была похожа на Францию в начале аналогичного периода (1830–1840-е гг.). Обе страны являлись крупными производителями сельскохозяйственной продукции — 57% национального дохода в России в 1880-х гг. и 50% во Франции в 1830-х гг. За рассматриваемый период в обеих странах эта доля лишь незначительно сократилась. Кроме того, в обеих странах наблюдался одинаковый рост доли промышленности в ВВП — в России на 8% (до уровня в 32% к 1913 г.) и во Франции на 8% (до уровня в 30%).

Таблица 1 содержит данные об изменении структуры ВВП в период бурного роста в основных странах, проводивших модернизацию экономики.

Схожесть элементов структуры ВВП России и других стран обуславливает необходимость создания единой системы критериев для сопоставления и создания моделей для разных регионов, что позволило бы выявить причины запоздалого и более медленного развития России. Исходные посылы и путь развития во многом определяются уникальными для каждой страны набором институтов и запасами ресурсов. Каждая из этих стран сталкивалась с особым набором препятствий и преимуществ на пути «нового» роста.

Общий для всех путь развития включал в себя быстрый рост на раннем этапе и отдельные периоды еще более быстрого роста впоследствии. Так, в Советской России в период первой пятилетки фактически повторно началась эпоха индустриализации, характеризующаяся высокими темпами и эффективностью процесса индустриализации и резким сокращением удельной занятости в сельском хозяйстве. Подобный всплеск произошел также и в странах Западной Европы и США после завершения Второй мировой войны. Темпы роста производительности труда в эти периоды вдвое превышали уровень 1870-х гг., составлявший 1,6–1,7% в год.

Хотя процесс трансформации, очевидно, многомерен, индикатор, с помощью которого его обычно анализируют, — это отношение темпов роста занятости в промышленности и населения в целом. Для России данный период характеризовался ускоренным ростом населения, выросшим с 1,1% в год в период с 1861–1863 гг. по 1881–1883 гг. до 1,6% в период с 1881–1883 гг. до 1909–1913 гг. Однако темпы прироста рабочей силы были еще выше — 1,9% и 1,7% в первый и второй периоды соответственно. Можно сказать, таким образом, что экономика России находилась в стадии развития.

Середина 1880-х гг. ознаменовалась также высокими темпами расширения промышленности. Как явствует из таблицы 1, в целом, несмотря на периоды спадов, в этом секторе был отмечен значительный рост. Самый бурный рост наблюдался в периоды 1896–1899 гг. и 1909–1913 гг. Объемы добычи угля возросли за период с 1870 г. по 1897 г. в 25 раз, нефти — в 200 раз. Совокупная протяженность железнодорожных путей удвоилась, а приток иностранного капитала повсеместно способствовал развитию новых отраслей промышленности.

Таблица 1

Структурные изменения в начале периода нового роста в разных странах*

Страна	Даты начала периода	Национальный доход (долл. на душу) на начало периода	Структура ВВП, %								
			(А) Сельское хозяйство			(В) Промышленность			(С) Сфера услуг		
			(1) На начало периода	(2) Через 30 лет	(1-2)	(1) На начало периода	(2) Через 30 лет	(1-2)	(1) На начало периода	(2) Через 30 лет	(1-2)
Великобритания	1786–1785	227	45	32	-13	35	40	+5	20	28	+8
Франция	1831–1840	242	50	45	-5	32	35	+3	18	20	+8
США	1834–1843	474	45	33	-14	24	39	+15	31	31	+0
Германия	1850–1859	302	32	23	-9	33	43	+10	35	24	-1
Япония	1874–1879	74	63	39	-24	16	31	+15	21	31	+10
Россия	1883–1887	260	57	51	-6	24	32	+8	20	17	-3
Италия	1895–1899	271	47	36	-11	20	21	+1	25	28	+3

Источник: Gregory P. Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to First Five Year Plan. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 28.

Можно сказать, что императорская Россия в последние десятилетия развивалась по разработанной в 1950-е гг. модели английского экономиста А. Льюиса, построенной для развивающихся стран с дуалистической экономикой и с избыточным предложением трудовых ресурсов в традиционном секторе³. В этой модели заработная плата в традиционном сельском хозяйстве много ниже уровня оплаты в современном промышленном секторе, а предельная производительность труда в сельском хозяйстве падает до нуля. Это приводит к миграции из деревни в город — происходит перелив трудовых ресурсов из традиционного аграрного сектора в современный промышленный. Именно так и происходило в императорской России.

Модель 1. Дифференциация доходов наемных работников в городе и деревне в дореволюционной России

Доказательством того, что пореформенная Россия развивалась «по Льюису», являются, прежде всего, данные о сравнительных доходах сельских и фабричных наемных рабочих. Такую работу проделали Л.И. Бородин и К. Леонард, изучая динамику «ножниц зарплаты» (wage gap) в России 1885–1914 гг. [14, с. 242–255]. Чтобы можно было сравнивать данные о доходах за разные годы, они перевели показатели номинальных доходов в показатели реальных доходов. Построенный ими график динамики реальной зарплаты фабричных и сельскохозяйственных рабочих за 30 лет (рис. 1) позволяет отметить ряд интересных закономерностей.

Как считал А. Льюис, в традиционном секторе существует институциональная заработная плата, составляющая 70% от минимальной оплаты в промышленном секторе экономики. Данные по России рубежа XIX–XX вв. показывают, что на самом деле поденная зарплата батраков на полевых работах составляла примерно 70% от поденной зарплаты фабричного рабочего. Правда, Льюис сравнивал институциональную зарплату крестьян с минимальной оплатой промышленных рабочих, в то время как в работе Бородина и Леонард речь идет о средних показателях оплаты. Тем не менее примерное совпадение налицо. Видимо, для постоянного оттока рабочей силы из деревни в город надо, чтобы городской «длинный рубль» был по настоящему длинным — превышал альтернативный заработок на селе примерно в 1,5 раза.

³ Подробную характеристику этой модели см.: [15, с. 40–62].

Заметно, далее, что величина «ножниц зарплаты» сокращалась довольно медленно: если в 1885–1894 гг. оплата сельскохозяйственных рабочих составляла 71% от оплаты фабричных рабочих, то в 1895–1904 гг. — 72%, а в 1905–1914 гг. — 78%. Таким образом, до хотя бы примерного выравнивания оплаты в деревне и в городе, что является критерием выравнивания условий труда и преодоления дуализма, России было еще далеко (хотя процесс шел именно в этом направлении).

Важно отметить, что сокращение «ножниц зарплаты» началось именно тогда, когда активизировалось освобождение крестьян от общины. До этого перелив рабочей силы тормозился привязанностью к наделу. Так, в 1900 г., когда в Петербурге проводился опрос нескольких тысяч рабочих, обнаружилось, что большинство из них были недавними выходцами из деревни, имели наделы и регулярно посылали деньги в деревню. Исследователи констатировали, что «посылка денег в деревню была связана с уплатой податей, а не с поддержанием хозяйства, и что в деревню ездили преимущественно неквалифицированные рабочие, при этом в большинстве случаев на праздники или на побывку» [14, с. 248]. Из-за общинной фискальной круговой поруки в пореформенной России долгое время существовала, таким образом, немислимая в Западной Европе фигура небогатого городского промышленного рабочего с «сельской дачей». Крестьянин-отходник, уехавший в город на заработки и не желающий возвращаться в нищую деревню, был бы и рад отделаться от ненужного ему теперь надела, но не мог. Реформы 1900-х гг. освобождали этих рабочих от уплаты податей, повышая их чистый доход, и тем самым делали уход работников из деревни в город еще более привлекательным.

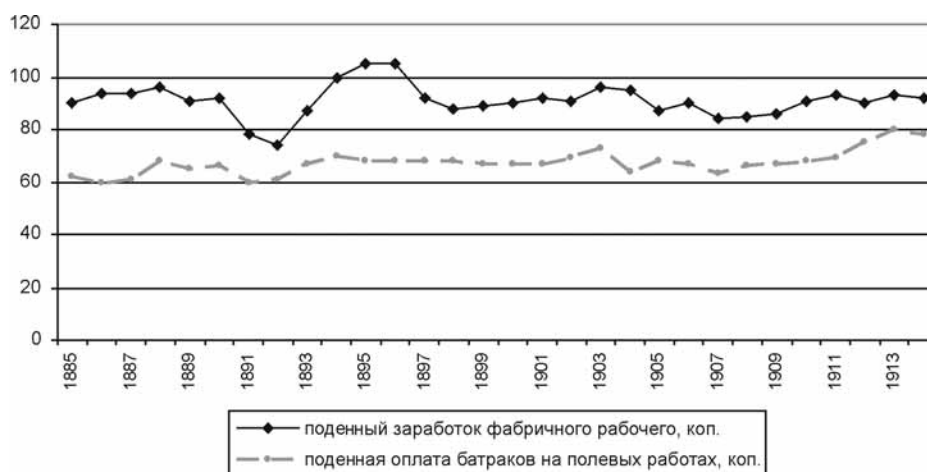

Рис. 1. Динамика реальной заработной платы фабричных и сельскохозяйственных рабочих в России, 1885–1914 гг.

Источник: Леонард К.С., Бородкин Л.И. «Огни большого города». С. 253.

Таким образом, можно констатировать, что темп роста производства в целом в дореволюционной России был заметным и ускоряющимся — не ниже по сравнению с другими странами, осуществляющими модернизацию. Что касается роста сельскохозяйственной или промышленной производительности в России, то он был не более ограниченным, чем в других странах. Ко времени революции 1917 г., которая свергла царский режим и привела в конечном счете к власти большевиков, казалось, что экономика прочно встала на путь модернизации, хотя рецессии и нестабильность были еще привычными чертами состояния макроэкономики⁴.

⁴ Такова, например, позиция американского экономиста-историка П. Грегори: «Очень трудно вообразить ситуацию, когда территория бывшей Российской империи не была бы сегодня мировой экономической державой, обеспечивающей своим гражданам жизненные стандарты, близкие европейским. С этой точки зрения можно оценить масштаб трагедии, вызванной экспериментами административно-командной экономики, приведшими к огромным потерям в экономическом благосостоянии более чем трех поколений ее граждан» [3, с. 85].

Почему же догоняющее развитие императорской России закончилось катастрофическим срывом, перечеркнувшим десятилетия реформ, направленных на переход от системы власти-собственности к «нормальной» частной собственности? Многие полагают, что эффективный курс социально-экономического развития России был сломан чисто политическим кризисом, вызванным главным образом неудачами в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Но не было ли и институциональных социально-экономических предпосылок этой катастрофы?

При изучении ограничений рыночной модернизации в пореформенной России главное внимание надо обращать на аграрный сектор экономики — именно там даже накануне революции 1917 г. жило и трудилось 4/5 подданных Российской империи. Если окажется, что капитализм развивался только в городе, а до деревни не доходил, это равносильно признанию некапиталистического характера российской экономики в целом (точнее — дуализма с преобладанием традиционного сектора) и провала догоняющего развития.

Рассмотрим, в какой степени в агроэкономике предреволюционной императорской России сохранялись институты, препятствующие буржуазной модернизации.

2. Старые экономические институты: проблемы крестьянского хозяйства

Рассмотрим сначала крестьянские хозяйства, которые являлись фундаментом российской экономики императорской России.

Крестьянское хозяйство в контексте проблемы «развития капитализма в России»: подход В.И. Ленина

Проблема «неукорененности» капитализма в агроэкономике была вполне четко осознана еще в конце XIX в., когда между российскими мыслителями кипели острые интеллектуальные баталии по поводу итогов и перспектив развития капитализма в России. Воспользуемся материалами классической монографии В.И. Ленина «Развитие капитализма в России», которую ранее принято было считать главным итогом этой дискуссии.

В.И. Ленин обратил основное внимание своего исследования на становление капитализма именно в аграрной сфере далеко не случайно. Эта область действительно была наименее подверженной капиталистическому развитию и казалась экономистам-народникам подлинным оплотом «народного производства». Признавая развитие капитализма в промышленности, они отрицали его в сельском хозяйстве. В.И. Ленин же стремился показать, что именно крестьянское товарное производство представляет наиболее глубокую основу для становления и развития капитализма. Более того, В.И. Ленин пытался определить уровень развития товарного производства в деревне, степень его перерастания в капиталистическое.

Применяя разработанную им методику анализа дифференциации, В.И. Ленин использовал в своей книге 14 показателей, свидетельствующих о разложении крестьянства: «1) число дворов; 2) число душ обоюбого пола крестьянского населения; 3) количество земли надельной; 4) купчей; 5) арендованной; 6) сданной в аренду; 7) всего землевладения или землепользования группы (надельная земля + купчая + аренда — сдача); 8) посева; 9) рабочего скота; 10) всего скота; 11) дворов с батраками; 12) дворов с заработками (выделяя, по возможности, те виды «заработков», среди которых преобладает работа по найму, продажа рабочей силы); 13) торгово-промышленных заведений и 14) улучшенных земледельческих орудий. Отмеченные курсивом данные («сдача земли» и «заработки»), — писал В.И. Ленин, — имеют отрицательное значение, показывая упадок хозяйства, разорение крестьянина и превращение его в рабочего. Все остальные данные имеют положительное значение, показывая расши-

рение хозяйства и превращение крестьянина в сельского предпринимателя» [12, с. 121]. Такая методика исследования позволила дать многомерную характеристику как зажиточного (по оценке В.И. Ленина, высшая группа в 20% дворов), так и неимущего крестьянства (к которому была отнесена низшая группа в 50% дворов).

Количественный анализ показал (табл. 2), что зажиточное крестьянство, составлявшее в среднем менее $\frac{1}{3}$ населения, располагало $\frac{3}{4}$ купчей земли, 60% арендованной, имело в пользовании 43% всей земли, почти $\frac{1}{2}$ общего посева, рабочего скота и торгово-промышленных заведений. К тому же на зажиточное крестьянство приходилось почти $\frac{2}{3}$ общего числа дворов с батраками и $\frac{4}{5}$ дворов с улучшенными орудиями труда. Эти хозяйства почти не прибегали к внешним заработкам и не сдавали земли.

В отличие от зажиточного неимущее крестьянство (40% населения) составляло очень скромную долю в покупке (10%) и аренде (12%) земли. На неимущее крестьянство приходилась лишь четверть действительного земледелия, пятая часть посевов и рабочего скота. Именно эта группа крестьян выступала в качестве главного сдатчика земли в аренду (79%). Они практически не применяли улучшенных орудий труда. Две трети дворов неимущего крестьянства имели работников, уходящих на заработки (см.: [12, с. 127–131], а также диаграмму, изображающую таблицы А и Б).

Таблица 2

Дифференциация крестьянских хозяйств, согласно В.И. Ленину

Критерии дифференциации	Зажиточное крестьянство	Неимущее крестьянство
Доля дворов, %	20	50
Доля в населении, %	28	39
Характеристики превращения крестьянина в сельского предпринимателя		
Доля в купчей земле, %	75	10
Доля в арендованной земле, %	60	12
Доля в землепользовании, %	43	25
Доля в посевах, %	47	21
Доля в рабочем скоте, %	47	19
Доля в дворах с батраками, %	63	11
Доля в дворах с торгово-промышленными заведениями, %	47	22
Доля в дворах с улучшенными орудиями труда, %	80	3
Характеристики превращения крестьянина в сельского наемного рабочего		
Доля в земле, сдаваемой в аренду, %	6	79
Доля в дворах с работниками, уходящими на заработки, %	11	68

Источник: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 127–131, диаграмма-вклейка.

В.И. Ленин обратил также внимание на то, что так называемый уравнилельный порядок распределения податей внутри общины служит обогащению зажиточного крестьянства: «чем обстоятельнее крестьянство, тем меньшую долю составляют подати ко всему его расходу» [12, с. 148]. Это происходило потому, что крестьяне делили подати по земле. Однако распределение наделной земли не учитывало дифференциацию крестьянства. При таких условиях распределение податей по наделной земле неизбежно вело к переложению налогов с зажиточного крестьянства на крестьянскую бедноту. «Община (то есть круговая порука и отсутствие права отказа от земли), — писал В.И. Ленин, — становится все более и более вредной для крестьянской бедноты» [12, с. 149].

В результате В.И. Ленин пришел к выводу, что «...русское общинное крестьянство — не антагонист капитализму, а, напротив, самая глубокая, самая прочная основа его» [12, с. 165].

Конечно, это было преувеличением, забеганием вперед, стремлением выдать желаемое за действительное.

Крестьянское хозяйство в контексте проблемы «развития капитализма в России»: критика подхода В.И. Ленина⁵

Согласно В.И. Ленину, внутренние противоречия функционирования крестьянства приводили его к расслоению, сущность которого — создание новых типов сельского населения — сельской буржуазии, достигавшей, по мнению В.И. Ленина, 30% населения (!), и сельского пролетариата, «класса наемных рабочих с наделом», составлявшего, по оценке В.И. Ленина, почти столько же, сколько и буржуазия, — 40% населения [12, с. 169, 170]. Делая вывод, что-де «крестьянская буржуазия есть господин современной деревни» ([12, с. 179] и др.), будущий вождь пролетарской революции определенно потерял чувство юмора. Какая «буржуазия» была в российской деревне конца XIX в., свидетельствует уже тот факт, что на каждого такого «буржуя» приходилось в среднем 1,33 наемного рабочего! Можно было, конечно, «уточнить», что «сельская буржуазия» — это мелкая буржуазия. Но не слишком ли она мелкая? Может быть, корректнее признать, что она «не совсем» буржуазия?

Рациональным зерном ленинской интерпретации развития крестьянских хозяйств является то, что крестьянство все сильнее втягивалось в рыночные отношения. В.И. Ленин сделал вывод, что пореформенное русское крестьянство уже вовлечено в товарное производство и зависит от рынка и по линии потребления, и по линии производства, и в связи с необходимостью уплаты податей. Исследование крестьянских бюджетов Воронежской губернии показало, в частности, что процент денежной части во всех группах крестьянства не ниже 40, а в крайних группах — свыше 50% (у безлошадных 55–57%, у многолошадных — 59–60%) (см.: [12, с. 146]; см. также: [11, с. 313–319]). И это в средней черноземной полосе, где денежное хозяйство развито слабее, чем в промышленных районах и на степных окраинах России.

«Буржуазия» и «пролетариат», действительно, сильнее втянуты в товарно-денежные отношения, чем среднее крестьянство, для которого типично наименьшее развитие товарного производства. Поэтому, заключает В.И. Ленин, «разложение крестьянства создает внутренний рынок для капитализма» [12, с. 174]. Неимущее крестьянство способствует развитию рынка, предъявляя спрос на предметы личного потребления. Эта группа хозяйств меньше, чем среднее крестьянство, потребляет, но больше покупает. У зажиточного крестьянства связь с рынком осуществляется и по линии производства (покупка средств производства и рабочей силы), и по линии потребления (расширение потребностей). Это означало, что разложение крестьянства увеличивает рынок и за счет производительного, и за счет личного потребления. Таким образом, В.И. Ленину принадлежит честь открытия механизма увеличения степени зависимости от рынка различных типов хозяйств в процессе разложения крестьянства.

Однако В.И. Ленин не заметил, что *включение крестьянства в товарно-денежные отношения отнюдь не тождественно развитию капитализма в деревне*. Даже если бы все крестьяне стали активными и добровольными участниками рынка, это не обязательно ведет к развитию капиталистической организации агропроизводства, с использованием наемного труда (позже эта ошибка была повторена в СССР в период «раскулачивания»).

Второй недостаток ленинского подхода — это невнимание к проблеме *принудительной товаризации*. Монетизация крестьянских бюджетов объяснялась не только стремлением крестьян покупать «городские» товары и работать за плату, но и баналь-

⁵ Данный раздел написан Р.М. Нуреевым с использованием некоторых материалов Ю.В. Латова.

ной необходимостью платить ненавистные государственные налоги. Если бы не было фискального прессы, связи крестьян с рынком были бы гораздо слабее⁶.

Третий недостаток связан с тем, что, стремясь доказать разложение крестьянства, В.И. Ленин в тот период сильно *преувеличивал степень дифференциации крестьянских хозяйств*. Отчасти это было связано с недостатком статистических данных⁷, отчасти — с предвзятостью исследователя, который в силу приверженности марксистской идеологии очень желал, чтобы в России был мало-мальски зрелый капитализм, позволяющий готовить социалистическую революцию.

Четвертый недостаток ленинской концепции связан с *недооценкой региональной дифференциации развития капитализма в сельском хозяйстве*. Спрос на рабочую силу в губерниях с более высоким развитием капитализма способствовал развитию миграции земледельческого населения. В.И. Ленин отметил, что главным районом прихода были южные и восточные окраины Европейской России, а главным районом выхода — средние черноземные губернии, то есть миграция осуществлялась «...из местностей, в которых всего сильнее развито крепостное право, в местности, где оно было всего слабее, — из местностей с наибольшим развитием отработков в местности... высокого развития капитализма» [12, с. 233]. Однако Ленин не сделал отсюда напрашивающегося вывода, что развитие капитализма в России фактически носило окраинный характер. Капитализм развивали, прежде всего, немцы в Новороссии и Поволжье, и, наоборот, для центральной России типичным являлось экс-крепостное хозяйство, связанное с рынком гораздо слабее.

Проделанный анализ позволил В.И. Ленину выделить четыре момента, характеризующие прогрессивную историческую роль капитализма в русском земледелии. Во-первых, капитализм разрушал сословное землевладение, подчинял производство рынку; во-вторых, ускорил развитие сельского хозяйства, способствовал повышению производительной силы труда и культуры производства; в-третьих, «создал в России крупное земледельческое производство, основанное на употреблении машин и широкой кооперации рабочих» и, наконец, в-четвертых, «подорвал под корень отработки и личную зависимость земледельцев» [12, с. 312, 314]. В.И. Ленин рассматривал эти моменты «крупным планом» как составные части процесса обобществления сельскохозяйственного производства капитализмом, абстрагируясь от их докапиталистического окружения.

Анализируя создание внутреннего рынка⁸, В.И. Ленин верно определил основное направление развития — переход от крепостнической к капиталистической форме хозяйства. Поэтому он уделил почти все свое внимание этим первым росткам нового буржуазного строя. Он указывал, что капитализм на южных и восточных окраинах Европейской России развит сильнее, чем в центре. Однако он не придавал большого значения этому последнему обстоятельству. Лишь позднее В.И. Ленин сделал вывод, что *«крупное капиталистическое земледелие стоит в чисто русских губерниях без-*

⁶ Принудительный характер товаризации проявлялся, в частности, в парадоксальном сочетании крестьянского голода (как, например, в 1891–1892 гг.) и высокого объема экспорта хлеба, порядка 40% всего товарного зерна (по принципу «недоедим, но вывезем»). Если бы продажа хлеба была личной инициативой крестьян, они бы в неурожайный год отказывались от продаж. Однако для уплаты налогов крестьянам приходилось продавать хлеб даже под угрозой голода.

⁷ «...Идет ли вперед разложение крестьянства и как быстро, — писал В.И. Ленин в «Развитии капитализма в России», — мы не имеем точных статистических данных...» [12, с. 174]. Сам он опирался прежде всего на данные земско-статистических подворных переписей 21 уезда 7 губерний, а затем на основании военно-конских переписей 1888–1891 гг. и 1896–1900 гг. пытался сделать далеко идущие выводы обо всем крестьянстве европейской части Российской империи. Для выводов о денежных расходах крестьянства он анализировал земско-статистические данные о крестьянских бюджетах по четырем уездам Воронежской губернии (1889 г.).

⁸ Начатый В.И. Лениным и другими экономистами конца XIX — начала XX вв. анализ формирования рынков в императорской России получил «новое дыхание» уже в работах советских клиометристов из школы И.Д. Ковальченко, которые с использованием экономико-математических методов анализа смогли дать количественную оценку степени развития всероссийских рынков хлеба, земли, рабочей силы и т.д. См.: [7].

условно на заднем плане. Преобладает мелкая культура на крупных латифундиях: различные формы крепостническо-кабальной аренды, отработочного (барщинного) хозяйства, «зимней наемки», кабалы за potravу, кабалы за отрезки и так далее без конца» [13, с. 201 (курсив мой — Р.Н.)]. Поэтому народнические теории возникли отнюдь не на пустом месте, они в большей мере отражали переходный характер России, чем ленинская работа.

В конце XIX в. Ленин так и не смог прийти к правильному выводу об ограниченности капиталистической модернизации российской агроэкономики. Однако ему пришлось позже вернуться к этому вопросу — уже не как теоретику-экономисту, а как практическому политику.

Когда началась революция 1917 г. и вопрос о социально-классовой сущности крестьянства перешел для большевиков в практическую плоскость, их взгляды сильно эволюционировали в сторону признания докапиталистических черт крестьянства. Попытка опереться в 1918 г. на «сельских пролетариев» (через комбеды) провалилась, крестьянство выступало относительно единой середняцкой массой, объединенной общинным коллективизмом, называть которую мелкобуржуазной можно было лишь с очень сильными натяжками. Когда ослаб государственный фискальный пресс, крестьяне резко уменьшили товарное производство, доказав тем самым, что для них рынок остается «чужим». В результате в 1920-е гг. «строители коммунизма» неожиданно обнаружили, что в их стране подавляющее большинство населения «не доросло» даже до «нормального» капитализма.

Тот факт, что последние работы В.И. Ленина, посвященные кооперации крестьянства, были написаны под явным влиянием крестьяноведа-народника А.В. Чаянова, ясно показывает, в какую сторону менялись его взгляды. В наши дни при анализе агроэкономики стран догоняющего развития чаще всего используют именно чаяновскую концепцию трудового крестьянского хозяйства, а не ленинскую теорию дифференциации крестьян на пролетариев и буржуазию. Тем самым фактически признается, что дореволюционное русское крестьянство имело больше общего с сельским населением отставших стран «третьего мира», чем с фермерами европейского типа. Даже в начале XXI в. фермерские хозяйства в постсоветской России получили весьма слабое развитие из-за почти полного отсутствия корней у этого института.

Модель 2. Трудовое крестьянское хозяйство по А.В. Чаянову

Жизнь экономиста-аграрника Александра Владимировича Чаянова (1888–1937) — классическая судьба российского либерального интеллектуала: исследования — открытия — репрессии — посмертная реабилитация и слава. Главный труд его жизни, «Организация крестьянского хозяйства» (1923 г.) [19, 18], при жизни крестьяноведа не пользовался особой известностью. Он решительно не соглашался с большевистскими представлениями, будто крестьянское мелкотоварное производство-де постоянно рождает капитализм и расслоение крестьянства на неимущих батраков и богатых кулаков. По процессу полумифической Трудовой крестьянской партии Чаянов был в начале 1930-х гг. репрессирован, а в 1937 г. расстрелян. Его «вторая жизнь» началась в 1960-е гг., когда английский советолог Т. Шанин едва ли не случайно наткнулся на букинистический экземпляр немецкого перевода «Крестьянского хозяйства» и с изумлением обнаружил, что всеми позабытый русский ученый полвека назад предложил изящную теорию, объясняющую значительную часть тех проблем, над которыми ломали головы современные исследователи «третьего мира». С тех пор А.В. Чаянова заслуженно считают основоположником крестьяноведения и одним из лучших российских экономистов XX века.

Проблема «развития капитализма в России», по поводу которой ломали копыя народники и марксисты, трансформировалась в современном мире в проблему модернизации развивающихся стран. Как и в дореволюционной России, главным камнем преткновения оказывается позиция общинного крестьянства, поведение которого очень трудно объяснить при помощи стандартного *economic's* а. Современными исследователями поставлена, наконец, точка в дискуссии марксистов и народников/эсеров,

можно ли интерпретировать жизнь деревни, отыскивая там «сельскую буржуазию» и «сельский пролетариат». Современные ученые признали правоту народников и вслед за ними считают типичной фигурой деревни крестьянина-середняка, который вовсе не спешит превратиться в кулака или пролетария.

В своей концепции семейно-трудового крестьянского хозяйства А.В. Чаянов рассматривал взаимоотношения крестьянского хозяйства с окружающей средой и приходил к выводу, что для него свойственны особые закономерности, отличающиеся от деятельности капиталистической фирмы. Главная задача крестьянина — не максимизация прибыли, а удовлетворение потребностей членов семьи. Соответственно, цель производства в крестьянском хозяйстве — это потребление, но не накопление. В «Организации крестьянского хозяйства» он доказал, что крестьянство стремится к увеличению валового дохода, а не к получению максимальной прибыли. Для объяснения хозяйственного поведения крестьян Чаянов использовал модель равновесия предельных выгод и предельных издержек, предложенную экономистами-неоклассиками. «... Мы можем установить, — писал он, — что степень самоэксплуатации [крестьянского] труда устанавливается некоторым соотношением между мерой удовлетворения потребностей и мерой тягости труда».

Большой вклад Чаянов внес в анализ дифференциации крестьянства. По его мнению, из-за демографических факторов уровень жизни крестьянской семьи меняется волнообразно. Так, в недавно образовавшейся молодой семье (муж, жена, малолетние дети) соотношение едоков и работников крайне неблагоприятно. Через некоторое время дети становятся полноценными работниками, в результате чего число едоков совпадает с числом работников. Это — самый благоприятный период в жизни крестьянской семьи: без применения наемного труда растут площади посевов, объем собираемой продукции, возрастают доходы, а расходы на бытовые нужды (жилье, отопление и др.) остаются прежними. Когда у второго поколения рождаются дети, то происходит распад большой семьи на молодые семьи. Соотношение едоков и работников снова изменяется, сокращается подушный посев, снижается и уровень потребления.

Отсюда Чаянов сделал вывод, что имущественная дифференциация крестьянских хозяйств в основном не носит социального характера. Он считал, что распространенная среди марксистов схема трех классов (кулак, середняк, бедняк) слишком груба, так как сводит в одну кулацкую группу не только капиталистические, но и крепкие крестьянские хозяйства, использующие труд преимущественно членов своей семьи. В противовес этой ложной схеме Чаянов приводил свою, более дробную классификацию, включающую шесть типов хозяйств —

- 1) капиталистическое,
- 2) полутрудовое,
- 3) зажиточное или семейно-трудовое,
- 4) бедняцкое,
- 5) полупролетарское,
- 6) пролетарское.

Основная масса крестьянских хозяйств в России, по его мнению, была представлена хозяйствами 2-4-го типов. Что касается характерных для «чистого» капитализма хозяйств 1-го, 5-го и 6-го типов, то они и в царской, и в Советской России составляли явное меньшинство и не определяли «лица» деревни. Схожую — некапиталистическую — форму имеет дифференциация крестьянских хозяйств и в современных странах «третьего мира».

А как объяснить с точки зрения чаяновской концепции ленинские данные о дифференциации крестьян?

Если взглянуть на данные В.И. Ленина о дифференциации крестьянских хозяйств на зажиточные и неимущие (табл. 2), то легко заметить, что у первых доля в населении заметно выше доли дворов (28% и 20%), а у вторых, наоборот, доля в населении много ниже доли дворов (50% и 39%). Таким образом, В.И. Ленин действительно охарактеризовал дифференциацию крестьянских хозяйств, но не столько на буржуазию и пролетариат, сколько на много- и малосемейных.

Значит ли это, что марксисты были кругом неправы и российская деревня при Романовых вообще никак не изменилась? Такой вывод тоже был бы некорректным.

Данные о долгосрочной динамике имущественной дифференциации крестьянских хозяйств (табл. 3) показывают, что в последние полвека императорской России она выросла очень резко, «скачком». Если в дореформенной России главной фигурой был середняк, то после Великой реформы самой многочисленной группой действительно стали бедные крестьяне. Однако именно быстрота изменений и являлась главной причиной их неустойчивости. Крестьянская хозяйственная ментальность продолжала оставаться середняцкой. Бедняки, получавшие все большую долю доходов не от своего надела, а от продажи рабочих рук, воспринимали эту ситуацию как временную аномалию. И как только государственная власть ослабла, в 1917 г. крестьяне провели «черный передел», восстановив преобладание середняцких хозяйств.

Таблица 3

Имущественная дифференциация крестьянства в России XVI–XX вв.

Периоды времени	Доли крестьянских хозяйств, %		
	богатые	средние	бедные
1495–1505 гг. *	15	53	32
1650–1750 гг. *	15	53	32
1751–1800 гг. *	10	48	42
1801–1860 гг. *	23	53	24
1912 г.	6	39	64

* По выборочным данным.

Источник: Миронов Б.Н. Социальное расслоение русского крестьянства под углом зрения социальной мобильности // Проблемы аграрной истории. Минск, 1978. Ч. 2. С. 113; Ковальченко И.Д. Столыпинская аграрная реформа (Мифы и реальность) // История СССР. 1991. № 2.

3. Старые экономические институты: проблемы помещичьего хозяйства

Рассмотрим теперь, насколько модернизированными или отсталыми были накануне событий 1917 г. помещичьи хозяйства.

Помещичье хозяйство в контексте проблемы «развития капитализма в России» и «аграрного вопроса»⁹

Когда В.И. Ленин анализировал развитие капитализма в агроэкономике России, он практически абстрагировался от анализа помещичьих латифундий. По его мнению, они не были связаны с крестьянскими хозяйствами товарно-денежными отношениями, а опутывали их на натуральной и внеэкономической основе, эксплуатировали их полуфеодальными методами. Помещичьи латифундии казались ему в конце XIX в. лишь пережитком, обломком, жалким остатком феодальных отношений. Да, крестьяне работают на помещика, но «эта сторона отодвигается, чтобы яснее представить переход от натурального хозяйства к товарному, — писал В.И. Ленин в работе «Экономическое содержание народничества и его критика в книге г. Струве». — Что остатки «стародворянских» отношений ухудшают положение производителя и придают разорению особенно тяжелые формы, — об этом было уже говорено [11, с. 507, прим.].

⁹ Данный раздел представляет переработанную версию статьи: [10].

Революционная борьба крестьянства в 1905–1906 гг. заставила социал-демократов заметно изменить свою точку зрения. «Остатки крепостного права, — напишет позже В.И. Ленин, — казались нам тогда мелкой частностью, капиталистическое хозяйство на надельной и на помещичьей земле — вполне созревшим и окрепшим явлением. Революция разоблачила эту ошибку. Направление развития, определенное нами, она подтвердила... Но остатки крепостничества в деревне оказались гораздо сильнее, чем мы думали, они вызвали общенациональное движение крестьянства, они сделали из этого движения оселок всей буржуазной революции» [13, с. 269]¹⁰. Позиция большевиков, обусловленная в первую очередь логикой политической борьбы, стала затем основой господствующих в советской историко-экономической науке представлений о помещичьем землевладении, как главном тормозе социально-экономического развития дореволюционной России.

Однако, вопреки догмам советской историографии, не только крестьянские хозяйства не были заметно капиталистическими, но и помещичьи хозяйства не являлись одним только скоплением реакционных пережитков.

Сельскохозяйственное производство в России вплоть до 1917 г. оставалось дуалистическим, развертываясь параллельно в двух видах хозяйств — помещичьем и крестьянском. Роль помещичьих имений в поставке хлебов на рынок в начале XX в. значительно снижается. Крестьянское хозяйство превзошло помещичье как в валовом сборе хлебов (86,5% давали крестьяне, помещики — только 13,5%), так и в производстве товарного хлеба (здесь пропорция составляла примерно 80:20) [6, с. 190]. Эти факты часто используют как доказательства экономической неэффективности помещичьих имений. Однако следует обратить особое внимание на то, что превосходство крестьянских хозяйств в производстве товарного хлеба было вызвано уже упоминавшимся эффектом *принудительной товаризации*: крестьяне продавали зерно не столько с целью получения дохода, сколько для выплаты необходимых налогов и возвращения долгов. В отличие от крестьян, для которых идеалом оставалось самообеспечение, помещичьи хозяйства демонстрировали куда более *добровольную товаризацию*, поскольку дворянство давно освоилось в «товарном» мире и стремилось максимизировать именно денежные доходы.

Следует подчеркнуть, что в целом для помещичьего хозяйства была характерна тенденция роста производства. Благоприятная рыночная конъюнктура накануне Первой мировой войны, а также продолжавшийся рост цен на продовольствие в годы войны дополнительно стимулировали развитие помещичьих хозяйств. Это выразилось в повышении агротехнического уровня производства и рентабельности. По этим показателям помещичье хозяйство превосходило крестьянское и все более приобретало характер крупного капиталистического производства.

Для правильного понимания экономической роли помещичьих хозяйств необходимо обратить особое внимание на так называемый *«аграрный вопрос»*.

В начале XX в. вокруг судьбы помещичьего землевладения велась активная партийная борьба, пришедшая на смену литературной полемике пореформенной эпохи. Центральной социально-экономической проблемой считалась проблема крестьянского малоземелья (именно эту проблему современники и называли «аграрным вопросом»), связанная с необходимостью, как полагали многие современники, дополнительного наделения крестьян землей. От разрешения этой проблемы зависело, быть или не быть в России помещичьему хозяйству.

Среди обилия работ того времени, затрагивающих проблемы помещичьего землевладения, можно выделить три направления — консервативное, либеральное и революционно-радикальное.

Консервативное направление выступало решительным противником ликвидации дворянского землевладения. Представители либерального направления признавали проблему малоземелья и считали, что дополнительное увеличение крестьянских земель

¹⁰ Подробнее о развитии взглядов В.И. Ленина по аграрному вопросу см.: [2].

путем принудительного отчуждения помещичьей земли является единственным способом решения аграрного вопроса. В отличие от консерваторов, либералы выступали за более глубокую «чистку» аграрного строя от наиболее архаичных методов эксплуатации, делая ставку на «образцовые», чисто капиталистические хозяйства. Лишь представители революционно-радикального направления — трудовики, народные социалисты, эсеры и марксисты (включая большевиков во главе с В.И. Лениным) — выступали за принудительное отчуждение частновладельческой земли и требовали уничтожения архаичного и неэффективного помещичьего землевладения. Именно взгляды этих радикалов продолжают во многом и по сей день определять научные оценки сущности аграрного вопроса и путей его решения в работах российских историков-экономистов.

После знаменитых исследований американских экономистов-клиометриков Р. Фогеля и С. Энгермана о рабстве в южных штатах США, однако, взаимосвязь понятий «архаичность» (пережиточность) и «эффективность» видится совершенно иной (подробнее см.: [9]). Ранее априори считалось, что пережиточные, унаследованные от более ранних эпох экономические структуры обязательно менее эффективны, чем новые, рожденные более высокоразвитым общественным строем. Американские клиометрики убедительно показали, что неотрадиционные формы организации производства могут при некоторых условиях отличаться высокой конкурентоспособностью. Аналогично, по-новому, более осторожно и без подгонки решения под заранее известный результат, следует подойти и к сравнению эффективности помещичьих и крестьянских хозяйств.

Рассмотрим интерпретацию института помещичьего землевладения с точки зрения его защитников.

Модель аграрной экономики России начала XX в. (по А.С. Ермолову)

Модель аграрной экономики России наиболее комплексно описана известным политическим деятелем и ученым-аграрником рубежа XIX–XX вв. А.С. Ермоловым, чьи идеологические симпатии эволюционировали от либеральных к умеренно-консервативным [4].

Главная ошибка большинства исследователей аграрного вопроса, требовавших для ликвидации крестьянского малоземелья «отнять и поделить» помещичьи земли, заключалась, по мнению А.С. Ермолова, в слишком узком подходе к анализу факторов сельскохозяйственного производства. «Они все свое внимание уделяли земле, — писал он, — доказывая ее недостаточность для нужд крестьянского населения, и оставляли в стороне другой источник существования сельского населения и способ удовлетворения его нужд — его *труд*, оплачиваемый... во многих случаях лучше при применении его на чужой частновладельческой, а не на собственно принадлежащей ему земле, как ни расширяя ее площадь» [4, с. 28, 267]. Руководствуясь этим принципом, А.С. Ермолов вычислил основные потоки крестьянских доходов при существующей в начале XX в. системе хозяйства, а затем показал, как они изменились бы при разных вариантах земельных реформ — отчуждении помещичьих земель за выкуп и без выкупа.

Модель 3. Взаимодействие крестьянских хозяйств с помещичьими по А. Ермолову

Алексей Сергеевич Ермолов (1847–1917 гг.) относится к тем достаточно редким экономистам (как Л. Эрхард в послевоенной Германии), которые стремятся органически сочетать теоретические поиски с политической деятельностью. В 1886–1888 гг. он был вице-президентом Вольного Экономического общества. В 1893 г. А.С. Ермолов стал управляющим Министерством государственных имуществ, в 1894–1905 гг. занимал пост министра земледелия и государственных имуществ. С 1905 г. он был членом Госсовета, где выступал с активной поддержкой столыпин-

ской аграрной реформы. Стронник создания неделимых, неотчуждаемых крестьянских хозяйств и интенсивного развития землевладения, организации переселенческого движения, А.С. Ермолов активно боролся с идеей национализации земли и ее принудительного отчуждения.

Для правильного понимания модели А.С. Ермолова следует учитывать, что обрабатываемые земли в аграрной экономике России 1861–1917 гг. делились на три основные категории:

А. Крестьянские наделные земли — принадлежат крестьянам и обрабатываются их трудом.

Б. Земли, арендуемые крестьянами, — принадлежат частным владельцам–некрестьянам и обрабатываются крестьянами, как арендаторами, выплачивающими за их использование арендную плату.

В. Помещичьи земли — принадлежат частным владельцам, обрабатываются крестьянами, как наемными работниками, получающими за свой труд заработную плату.

Статистические данные, на которые ссылался А.С. Ермолов, показывают, что в 1900 г. урожайность на частновладельческих землях была выше урожайности крестьянских земель на 12–18%. По мнению А.С. Ермолова, однако, разница показателей эффективности помещичьих и крестьянских хозяйств еще выше — до 30–40%. Статистика дает заниженные цифры из-за того, что «цифра сбора с частновладельческих земель... обнимает земли, как находящиеся в собственном хозяйстве владельцев [земли типа В], так и сдаваемые в аренду крестьянам [земли типа Б], и последние... значительно и понижают средний вывод, так как урожаи на арендных землях в общем всегда ниже не только по сравнению с первыми, но даже с наделными крестьянскими землями» [4, с. 273].

Поскольку помещичье хозяйство оказывается значительно более эффективнее крестьянского, то доходность десятины крестьянской земли (типа А) оказывается неизмеримо ниже заработков, которые крестьяне получали за обработку десятины помещичьей земли (типа В). «На первой, — пишет А.С. Ермолов, — крестьянин выручает в среднем всего только 9 руб. 35 коп. и имеет чистого от нее дохода 3 руб. 92 коп. Десятина обрабатываемой им владельческой земли дает ему заработка 17 руб.» [4, с. 53]. Помимо заработков непосредственно на частновладельческих землях, крестьяне получают дополнительные доходы, служа в экономиях садовниками, скотниками, приказчиками и т.д., а также нанимаясь на принадлежащие владельцам имений винокуренные, свеклосахарные и прочие агротехнические предприятия.

Если вычислить совокупные ежегодные доходы всех крестьян России, то, согласно СНО макроэкономической модели Ермолова, получается следующая картина (рис. 2):

— с земель типа В, находящихся в помещичьем хозяйстве, крестьяне получают в виде заработков 705 млн руб.;

— с земель типа А и Б, находящихся в крестьянских хозяйствах, крестьяне получают чистый доход лишь в 466 млн руб. (441 млн руб. от наделных земель и еще 25 млн руб. от арендуемых земель).

Такая классификация доходов крестьян позволяет по-новому взглянуть на ожидаемые последствия «черного передела» — отчуждения помещичьих земель в пользу крестьян, за которое выступали и либералы, и социалисты. Рассмотрим, следуя за А.С. Ермоловым, два варианта радикальных аграрных реформ, исследуемых по методу альтернативных издержек.

Первый вариант: крестьяне в рассрочку выкупают помещичьи земли типа Б и В по «справедливой» (т. е. более чем на 1/5 ниже рыночной) цене, ежегодно внося выкупную плату в размере 4 руб. за десятину.

В этом случае крестьяне перестают вносить арендную плату (128 млн) и получают от перешедших в их владение земель типа В дополнительный чистый доход (145 млн). Зато теперь они теряют заработки, которые они имели в качестве работников помещичьего хозяйства (705 млн), и должны платить выкупные платежи (4 руб. × × (20 + 37) млн десятин = 228 млн). Совокупные ежегодные потерянные доходы и новые расходы (933 млн) заметно превосходят ежегодные новые доходы (273 млн).

Чистые ежегодные потери составляют, следовательно, $933 - 273 = 660$ млн руб. Кроме того, «перенеся свои приемы культуры, да еще при общинном хозяйстве, на земли, бывшие частновладельческими, крестьяне весьма скоро, если не сейчас же, доведут производительность последних до настоящей производительности и доходности своих земель» [4, с. 54], из-за чего их ежегодные потери, вероятно, вырастут еще сильнее, согласно подсчетам А.С. Ермолова, — до 727 млн.

Итак, чистые потери крестьян от такого «черного передела» даже в самом лучшем случае составят примерно 57% их первоначальных совокупных ежегодных доходов. Трудно ожидать роста благосостояния крестьян, если их доходы упадут более чем в 2 раза.

Второй вариант: крестьяне безвозмездно (даром) получают все помещичьи земли — и типа Б, и типа В.

В этом, наиболее «социалистическом» варианте ежегодные потери крестьян должны, как будто бы, уменьшиться на величину выкупных платежей и составить не 660–727 млн, а только 432–499 млн (т.е. не менее чем 37% прежних доходов). Однако А.С. Ермолов предсказывал «всеобщее в стране разорение, как последствие проектируемой реформы» [4, с. 57] по безвозмездной экспроприации земли у помещиков, из-за чего потери окажутся заметно выше.

Расчеты выгод и потерь от радикальных аграрных реформ показывают, что при ликвидации культурно-капиталистических помещичьих хозяйств и передаче всей земли в руки крестьян сами же крестьяне больше потеряют, чем выиграют. «Всякая аграрная реформа, — делает вывод А.С. Ермолов, — направленная только к увеличению крестьянского землевладения за счет частновладельческого хозяйства, ...не улучшит, а ухудшит положение крестьян, сократив их доход на сумму большую, чем сколько принесет им увеличенная площадь земли в их руках» [4, с. 286]. Альтернативные издержки потерянной зарплаты с избытком перекрывают выгоды от увеличения принадлежащей крестьянам земли.

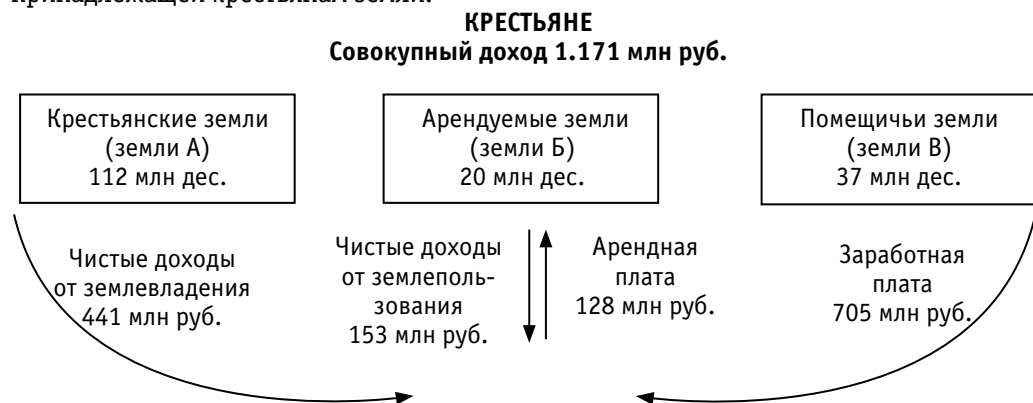

Рис. 2. Потoki ежегодных крестьянских доходов в агроэкономике 50 губерний Европейской России 1900 г. (по А.С. Ермолову)

Помещичье землевладение как генератор негативных экстерналий в отношении крестьянских хозяйств

Если помещичье хозяйство оказывается более высокодоходным, чем крестьянское, то следует ли отсюда делать вывод, что критику помещичьих хозяйств надо полностью отбросить и признать их безусловную полезность в капиталистической модернизации российской деревни? Нет, такой вывод был бы преждевременным. Целесообразно разобраться, в какой степени низкая продуктивность крестьянского хозяйства в России была обусловлена его собственной природой, а в какой — соседством с поместьями.

Среди исследователей рубежа XIX–XX вв. (особенно консервативного толка) было распространено представление о поместьях как об анклавах передовой агроэкономики, центрах распространения новаторских форм сельскохозяйственной культуры. Но в конкретно-исторических условиях России конца XIX — начала XX вв. поместья стали для крестьян генераторами не столько положительных, сколько отрицательных внешних информационных эффектов (экстерналий).

В работах по теории прав собственности внешние эффекты обычно понимаются в сугубо материальном смысле: запахи, шумы, погрывы посевов, дымовые загрязнения и т. д. В то же время признается, что в качестве экстерналий может рассматриваться и такой «нематериальный» объект, как информация. В частности, культурно-капиталистические дворянские экономии (например, Батищево — имение А.Н. Энгельгардта), которые показывали окрестным крестьянам передовые методы и приемы сельскохозяйственного производства, следует рассматривать как генераторы положительных внешних эффектов. Однако если положительные информационные эффекты порождались относительно немногочисленными передовыми именьями, то помещичье землевладение в целом генерировало отрицательный информационный эффект.

Практически все исследователи аграрного вопроса отмечали любопытный парадокс: хотя крестьян считали страдающими от малоземелья, однако если сравнить среднее землевладение крестьян России и западноевропейских крестьян, то отечественный земледелец имел земли значительно больше, но снимал с нее гораздо более низкий урожай. Экономисты консервативного и даже либерального направлений прямо утверждали, что проблема крестьянского малоземелья есть совершенно ложная проблема. «Вопрос о малоземелье, — писал, например, убежденный сторонник сохранения дворянского землевладения А.А. Салтыков, — вообще не имеет экономического значения, т. к. благосостояние крестьян и подъем производительности крестьянского хозяйства зависят не от того, сколько у них на душу приходится земли, а от целого ряда других причин, из которых главная и основная заключается в формах крестьянского землепользования...» [16, с. 14]¹¹.

В сущности, перед крестьянскими хозяйствами было два пути развития:

- 1) либо экстенсивное расширение землевладения (путем «черного передела»),
- 2) либо интенсивное совершенствование землепользования.

Почему же крестьяне выступали в основном за первый путь, игнорируя второй?

Осуществляя рациональный выбор производственной стратегии, экономический субъект сравнивает два фактора — первоначальные инвестиции (I) и ожидаемую полезность/выгоду (EU), которая в свою очередь зависит от вероятности успеха (p) и его величины (N). Если крестьяне предпочитали первый (экстенсивный) путь второму (интенсивному), это означает, что, по их оценкам,

$$EU_1/I_1 > EU_2/I_2 \quad \text{или} \quad p_1 N_1/I_1 > p_2 N_2/I_2.$$

Интенсивная стратегия развития аграрной экономики требовала высоких инвестиций I_2 в физический и человеческий капитал (на приобретение новых орудий труда, на освоение новых агрономических знаний), суля с высокой вероятностью p_2 значительную выгоду N_2 . Экстенсивная же стратегия предполагала отрицательную (если верна модель А.С. Ермолова) выгоду N_1 при трудно прогнозируемых величинах затрат I_1 на «лоббирование» программы «черного передела» и столь же трудноизмеримой вероятности p_1 успеха этого «лоббирования». Кажется совершенно непонятным и иррациональным, почему же крестьяне в течение более полувека предпочитали экстенсивную стратегию интенсивной — занимались не столько совершенствованием агротехники, сколько требованиями раздела помещичьих земель.

¹¹ У этой проблемы есть еще один аспект, который был осознан лишь совсем недавно (в первую очередь, благодаря работам Л.В. Милова), — качественное отличие (в худшую сторону) российских природных условий сельскохозяйственного производства от западных.

Однако ситуация проясняется, если вспомнить, что реальные экономические субъекты делают выбор на основе не объективно истинной, а субъективно доступной им информации. Соседство мелких крестьянских наделов с обширными помещичьими хозяйствами создавало у крестьян иллюзию легкого решения трудной проблемы — «отнять и поделить». «Вишневые сады», которые, по мнению крестьян, так и просились под топор, порождали у них острое чувство социальной ущемленности и зависти, препятствующие интенсификации производства. Крестьяне неохотно вводили агротехнические новшества, зато жадно ловили малейшие слухи о том, что «землю будут раздавать даром». Это и есть отрицательный *информационный внешний эффект помещичьего землевладения* в России: ожидание близкого раздела помещичьих земель снижало ценность информации о совершенствовании приемов земледелия.

С точки зрения концепции негативных экстерналих эффектов помещичьих имений, популярные в либеральных и даже консервативных кругах России рубежа XIX–XX вв. идеи отдать крестьянам одну половину помещичьих земель, чтобы спасти другую половину, следует признать неэффективными и просто вредными. Убедившись, что их требования «черного передела» дают результат (растет параметр p_1), крестьяне еще менее были бы склонны заниматься интенсификацией производства и еще сильнее требовать передела «до конца».

Мультиплицирующие факторы генерирования помещичьими хозяйствами негативных экстерналих в отношении крестьянских хозяйств

В сущности, соседство богатства и бедности всегда порождает отрицательный внешний эффект: у бедных появляется вполне понятное желание не преумножать «в поте лица» свой физический и человеческий капитал, а легко и просто «экспроприировать экспроприаторов». Однако далеко не всегда эта естественная зависть бедного к богатому выливается в столь целенаправленную «классовую ненависть», как это было у русских крестьян по отношению к помещикам и дворянам. В конце концов, кулацкие хозяйства тоже рождали у бедняков желание «отнять и поделить» (что они и делали как во время столыпинских реформ, так и во время «черного передела» 1917–1918 гг.). Однако этот антагонизм не шел ни в какое сравнение с противостоянием крестьянства, как целого, и дворян и помещиков. Видимо, если помещичье землевладение порождало негативные информационные экстерналии, то какие-то другие факторы их многократно усиливали (мультиплицировали).

Первый из этих факторов был четко осознан уже в начале XX в., во время столыпинских реформ, направленных на развал института передельной крестьянской общины. Это — *общинный коллективизм, блокирующий индивидуальные инвестиционные усилия, но стимулирующий действия община*.

Действительно, перечисленные два пути развития крестьянских хозяйств имеют принципиально разный механизм реализации. Интенсификацией агротехники занимаются отдельные передовые хозяйства. Однако в условиях регулярных переделов земли эффект от этих инвестиционных усилий неустойчив: земли, окультуренные рачительным хозяином, могут при переделе «по едокам» достаться постороннему *free rider* у, а инвестор потеряет свои вложения. Можно сказать, что общинная система понижала значение параметра N_2 . Зато борьбу за «черный передел» крестьяне-общинники вели коллективно, при успехе этой борьбы каждый получил бы дополнительный надел. Поэтому не в силу «темноты», а по вполне рациональным соображениям российский крестьянин не торопился внедрять агроинновации, выжидая экспроприации помещичьих земель.

Именно осознание этой функции общины как мультипликатора «передельных на-

строений» и стало главной причиной реформ П.А. Столыпина. Теряя в лице общины удобного для контроля налогоплательщика, правительство шло на это ради уменьшения революционных настроений¹². Однако «последний клапан» был открыт слишком поздно.

Другой фактор, мультиплицирующий экстернальный эффект помещичьих хозяйств, также хорошо описан в научной литературе начала XX в. по аграрному вопросу. Речь идет о так называемом «двоеправии» — *сосуществовании официального права и традиционного права собственности* на землю.

К.Р. Качаровский, один из видных представителей народнического направления, прямо писал, что в народе уцелели основы старого народного обычного права. Это право слагалось из двух основных принципов — права затраченного труда и права на труд. С одной стороны, каждый трудившийся имел право воспользоваться плодами своего труда. С другой, каждый желающий имел право трудиться с использованием необходимых ему орудий производства, в особенности, необходимой для этого земли. «Право труда, — замечал Качаровский, — говорит, что владельцы-капиталисты не обрабатывают сами земли, а потому не имеют прав ни на нее, ни на ее продукт, а имеют право те, кто ее обрабатывает. Право на труд заявляет, что капиталистическая земельная собственность нарушает равномерность распределения между людьми основного, необходимого для их жизни блага и требует уравнительного его распределения сообразно равному праву всех людей» [5].

Объектом конфликта между крестьянами и помещиками, таким образом, являлся один из элементов «пучка» прав на землю — право на защиту от экспроприации. В аграрной экономике России 1861–1917 гг. возникла ситуация недостаточной спецификации прав собственности: помещики в соответствии с официальным правом считали это право своим, но и крестьяне в соответствии с традиционным правом — тоже своим. Если в глазах помещиков требования «землю — крестьянам» выглядели преступными домогательствами чужой собственности, то и для крестьян помещики после реформы 1861 г. стали бесчестными «прихватизаторами», присвоившими чужую землю. Каждая из конфликтующих сторон была права в рамках «своей» системы права, но неправа в рамках «чужой»¹³.

Если сам факт наличия помещичьих хозяйств создавал у крестьян ложное представление о возможной выгоде экстенсивной стратегии развития (по их мнению, N_1 было достаточно большим, хотя на самом деле, если верна модель А. С. Ермолова, $N_1 < 0$), то «двоеправие» создавало иллюзии в оценке вероятности достижения этой возможной выгоды (величины p_1) и затрат на это (величины I_1). В самом деле, та громадная энергия, с которой крестьяне более полувека добивались всеми средствами заветного «черного передела», будет совершенно непонятна, если только не предположить, что крестьяне изначально нисколько не сомневались в беспорности своих

¹² Среди дворян в столыпинскую эпоху общину прямо называли «рассадником социалистических бацилл» [17, с. 36]. Эту интерпретацию общины как «генератора уравнительной идеологии и школы коллективных действий» недавно возродил английский историк-экономист Т. Шанин, связав ее с концепциями «моральной экономики» и «оружия слабых» Дж. Скотта (см.: [20]).

¹³ Доказательством того, что сами помещики понимали известную двусмысленность правового статуса своих хозяйств, может служить интересное наблюдение А.Н. Энгельгардта, хорошо знакомого с реалиями российской аграрной экономики. Описывая упадок многих имений в пореформенный период, он замечает: «Я положительно недоумеваю, для чего существуют эти хозяйства: мужикам — затеснение, себе — никакой пользы. Не лучше ли бы прекратить всякое хозяйство и отдать землю крестьянам за необходимую для них плату? Единственное объяснение, которое можно дать, — то, что владельцы ведут хозяйство только для того, чтобы констатировать право собственности на имение» [21, с. 399]. Поскольку согласно «простонародному» «праву труда» крестьянин соглашался считать собственником земли лишь того, кто не только владел ею, но и хозяйствовал на ней, то помещики без предпринимательских способностей оказывались вынуждены имитировать хозяйственную деятельность, даже неся на этом прямые убытки. Очевидно, когда помещик откровенно забрасывал свое хозяйство, то его имение становилось первоочередным объектом крестьянского «лоббизма» (потрав, самовольных захватов земли, поджогов усадеб и т.п.), в результате чего падала его продажная ценность. Пренебрежительно третируя на словах «мужицкое право», помещики на деле были вынуждены с ним считаться.

претензий и, следовательно, в легкости их реализации. По их мнению, до раздела помещичьих имений было буквально «рукой подать», а потому целесообразнее не внедрять новые приемы агротехники, а «давить» на помещика. Революция 1917 г. привела именно к тому, что «обычное право» восторжествовало над «официальным правом» российского истэблишмента.

4. И все же — «среднеслабый»

Подводя итоги анализу успехов и провалов России в догоняющем развитии, следует, пожалуй, согласиться с ленинским определением российского капитализма как «среднеслабого».

Хотя это выражение нередко используется отечественными обществоведами, оно никогда специально не комментировалось. Даже не вполне понятно, означает ли оно «слабого среди средних» или «среднего среди слабых». Для правильного понимания этой оценки попробуем представить себе всю шкалу возможных градаций развития капитализма в разных странах мира в начале XX в., как ее видели современники (и В.И. Ленин в том числе).

Странами «сильного» развития капитализма считали, конечно, лидеров мировой экономики того времени: Великобританию, Германию, США; в эту же группу относили и развитые мелкие государства типа Швейцарии, Бельгии и Голландии. К странам «среднего» уровня относили, очевидно, полупериферийные государства — Японию, Скандинавские страны, Испанию, Португалию, Грецию. К группе же стран «слабого» уровня, скорее всего, причисляли откровенно периферийные страны — Латинскую Америку, Турцию, Египет.

В таком контексте Россию по уровню социально-экономического развития следует считать слабой среди средних: хуже Японии (от которой она потерпела поражение в войне 1904–1905 гг.) или Швеции, но лучше Турции (в войнах с которой всегда выходила победителем) или какого-нибудь Парагвая. Одним словом, своего рода «большая-пребольшая Испания».

Можно ли теперь сказать, что за два столетия (начиная от петровских реформ) догоняющего развития Россия смогла повысить свой статус?

Возможно, но не очевидно. И в начале XVIII в., и в начале XX в. Россию не считали «нормальной Европой». С точки зрения военного потенциала, пожалуй, произошло даже понижение. Ведь при Петре I Россия почти без помощи союзников одержала полную победу над Швецией, чья армия считалась с XVII в. одной из лучших в Европе. А при Николае II Россия, имея сильных (хотя и своекорыстных) союзников, оказалась сокрушительно разбитой в Первой мировой. Конечно, военный потенциал и уровень социально-экономического развития коррелируются друг с другом отнюдь не в полной мере.

«Среднеслабый» статус императорской России начала XX в. не означает, что она потеряла зря два столетия. Может быть, за время от Петра I до Николая II Россия смогла «переползти» из периферийных стран в субпериферийные; возможно, она несколько повысила свой статус среди субпериферийных стран.

Однако в любом случае результаты двухвекового опыта сознательного догоняющего развития, понимаемого как «копирующая модернизация», оказались не слишком выразительными и, самое главное, обратимыми.

Как уже указывалось, более благоприятных условий, чем у России, не было и нет ни у одной другой страны догоняющего развития. Если на российском опыте мы наблюдаем предельно возможные положительные результаты догоняющего развития по принципу «скопировать Запад», то в современных условиях отстающим странам трудно надеяться даже и на такие невыразительные результаты. Не является ли российский опыт доказательством принципиальной малоэффективности «копирующей модернизации»?

ЛИТЕРАТУРА

1. Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962.
2. Василевский Е.Г. Аграрный вопрос в работах В.И. Ленина (1893–1915). М., 1964.
3. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003.
4. Ермолов А.С. Наш земельный вопрос. СПб., 1906.
5. Качаровский К.Р. Русская община. СПб., 1906.
6. Ковальченко И.Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйств в земледельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. Сб. ст. М.: Наука, 1971.
7. Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII — начала XX вв. М.: Наука, 1974.
8. Латов Ю.В. Власть-собственность в средневековой России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. Т. 2. № 4.
9. Латов Ю.В. Новая экономическая история Гражданской войны в Америке и ликвидации плантационного рабства // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. Т. 2. № 1.
10. Латов Ю., Ковалев С. Аграрный вопрос в России конца XIX — начала XX вв.: попытка неoinституционального анализа // Вопросы экономики. 2000. № 4.
11. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1.
12. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3.
13. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16.
14. Леонард К.С., Бородкин Л.И. «Огни большого города» (Опыт прошлого: о влиянии «ножниц зарплаты») // Фантастика и наука (Гипотезы. Прогнозы): Международный ежегодник. М.: Знание, 1992. Вып. 25.
15. Нуреев Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М.: ИНФРА-М, 2001.
16. Салтыков А.А. Голодная смерть под фирмой дополнительного надела (К критике аграрного вопроса). СПб., 1906.
17. Труды 1-го съезда уполномоченных дворянских обществ 29 губерний. СПб., 1910.
18. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика, 1989.
19. Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства. М.: Кооперативное издательство, 1925.
20. Шанин Т. Россия как «развивающееся общество» [1985]. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. [1986] (Главы из книг.) // <http://www.russ.ru:8083/antolog/inoe/shanin.htm>.
21. Энгельгардт А.Н. Из деревни: 12 писем. 1872–1887. М., 1987.
22. Gregory P. Russian National Income, 1885–1913. — N.Y.: Cambridge University Press, 1982.